

СМЕНА

XX $\frac{101}{1}$

Военно - морской пункт в Парке культуры и отдыха.

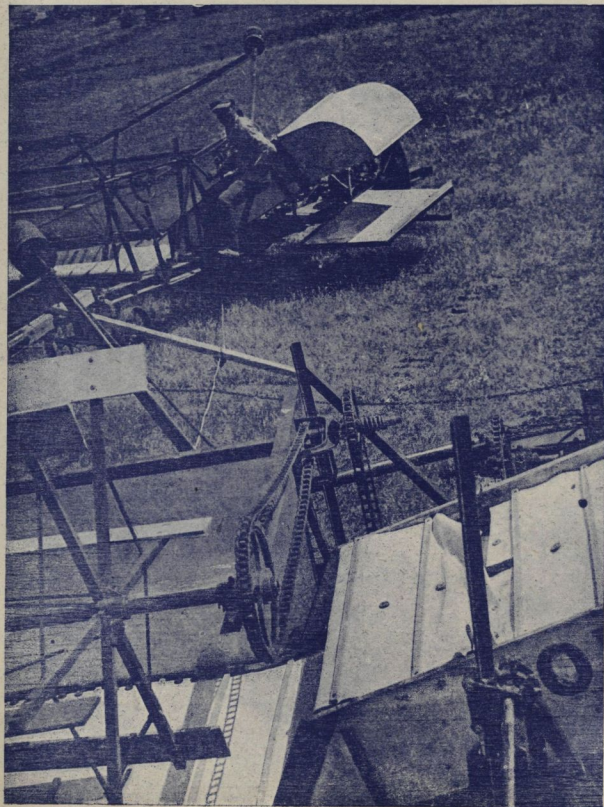
№ 21

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

10
КОП.

СОБИРАЙТЕ ПЛОДЫ БОЛЬШЕВИСТСКОГО СЕВА

Центральный комитет ленинского комсомола требует от всей комсомольской организации максимальной мобилизации сил и действий для выполнения плана хлебозаготовок. Эти заготовки являются ареной самой ожесточенной классово-партийной борьбы на селе. Кулачество, чуя свою близкую окончательную гибель, будет всеми силами пытаться сорвать хлебозаготовки, расстроить ряды колхозников и дезорганизовать массы индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Комсомол должен быть на фронте хлебозаготовок и в первую очередь нанести новый сокрушительный удар по кулаку. Производственные ячейки союза обязаны выступать в помощь деревенским комсомольцам своим бригадами, организовать сбор тара, провести проверки по починке мешков и кулей, проверить подготовленность складских помещений и обеспеченность ими заготовительных организаций.

ЖДУТ ЭЛЕВАТОРЫ ЗЕРНА

Врага в бою преодолел,
врагу сломавши крылья,
мы провели
великий сев —
мы хлеб
борьбой взрастили.

Фашисту
хлебом
угрожай —
снямай
проворной
урожай!

Хлеб зашумел,
отяжелел —
Готовьте поезда!
Мы провели
великий сев —
убрать не опоздай!

Грозит куркуль,
плюется бай —
как танк,
ползи вперед,
комбайн!

На снимках: комбайн „Холт“ на полях „Гигант“

Стетственный редактор С. К. Ким р.д. Заведующий редакцией Я. Юдинский. Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд.-во «Молодая Гвардия», редакция журнала «Смена». Телефон 2-35-26.

№ 21 и Ю Л Ь 1930 г.

КУРС АНТИИМПЕРИАЛИЗМА

Дм Лебедев

Год тому назад на призыв Коминтерна в день первого августа отозвались сотни тысяч рабочих. В Берлине, Нью-Йорке, на рабочих окраинах Парижа, в многочисленных городах Франции, Америки, Германии, Польши и Австрии тысячи колонны proletариев вышли на улицы, парывая буржуазную эксплуатацию, бесстрашно проша по громад пуд и под ударами дубунок антиимпериалистские лозунги компартий.

Борьба против опасности империалистской войны оказалась одним из наиболее действенных лозунгов, захвативших широчайшие массы трудящихся. В Польше, Румынии, Греции на этот лозунг откликнулись и многие тысячи крестьян. Опасность новой кровавой бойни пониние всего истисно, и именно этот лозунг явился могучим средством мобилизации широчайших трудовых масс под знаменем Коминтерна.

Лозунг оправдал себя. Впервые улицы Нью-Йорка увидели стотысячную демонстрацию, впервые хорая Нью-Йоркская полиция испытала настоящую тропическую жару в дождливый и пасмурный день 1 августа. Это был зловещий сигнал надвигавшейся кризиса, стотысячная масса нью-йоркских proletариев вышла на улицы отходило пролетариату американского «пролетариата». Пария Тарды напомниа черные дни Парижа Галлифе и Тьера. Новые версальцы появились на улицах, а в броневики угрожающе озирали город. Социалистических участков нехватало бумаги для составления протоколов. Париж был осажден лагерем. В мелких городах Польши было много таких осажденных лагерей. В Германии, как и раньше, орудовали социал-фашистские дубинки.

Лозунг Коминтерна «доложь до масс, он был понят им. Только эта задача и стояла перед красным днем. Волна о «назначенной» революции была осредными додумиям избороженными вылазками широчайших предприятый антисоциальных фальшивок, и восторг капитализма по поводу «провалившейся» революции был бессмысленным восторгом ажда, обдумавшего, что опасность, которую он себе нарисовал, на самом деле находится не здесь, а несколькими шагами дальше.

Лозунг «доложь» и болютия ренегатов о том, что кемпаниа 1 августа не захватит пролетариат свои трудящиеся, что это авантюра и т. п., не могла быть опровергнута наголову фактами. Надо сказать, что и в рядах комсомола были люди, которые не отказали себе в удовольствии поубавлялись ивместе сстрашными Коминтерна перед войной» — обычный прием самых заветных империалистов. Один секретарь крупной комсомольской организации в Финляндии писал по поводу одного из кампаний:

«Крупнейшую причину неудачи следует искать в том, что военная опасность недостаточно близко затрагивает широкие массы. О ней говорили уже на протяжении ряда лет, и поэтому она стала широким масс не могла вызвать «любого интереса».

Это мог написать только человек, который не дал себе труда хоть раз взглянуть непосредственно в рабочие нязы, кто к тому же не поналя или не хотел понять предельные слова о войне, сказанные Карлом Либкнехтом, слова классового гнева и революционной ненависти.

«Империализм является», — писала Роза Люксембург, — важнейшим и наиболее ко-

рктным выражением капиталистического классового государства, и если мы не будем бороться против империализма, то наша борьба против буржуазии останется пустой фразой».

Эта простая и четкая истина проверена на опыте прошлого:дого proletариев стотысячные боеи: именно те организации, которые оказывались в состоянии возглавить выступление масс в день 1 августа, обнаружали наиболее явственный груз ополотрунических ошибок и штатий.

За прошедший год отставка еще раз подтвердила правильность антиимпериалистских лозунгов Коминтерна. Опасность войны становится с каждым днем все более реальной. Капиталистическая противоречия растут. Истекший год был годом бесчисленных крушений всех живописательских, улободочных проектов.

Комиссия по разоружению законсервировалась в стадии полной беспомощности и политической иллюзии. Даже образцы договора проекта авантюриного и химического разоружения оказались пустыми клочками бумаги, негодными, пожалуй, и для гигиенических надобностей. Лондонская конференция закончилась принятием новых судостроительных программ, причем даже ее решения не удовлетворяли заветных империалистов, и правительства Америки, Англии и Японии пришлось затратить героничные усилия на принятие ее решений своими парламентами.

Из сферы действия даже этих решений выпали Франция и Италия. Они отказались принять какие бы то ни было обязательства не только в разоружении, — об этом и не мечтали на конференции, — но хотя бы о некотором замедлении бешеных темпов нового морского строительства, нужном для империалистического «равновесия». Итало-французский участок империалистского фронта продолжает оставаться пороховой бочкой, на которой развивает свою опасную свистящую итальянский фашизм, мечтающий за счет Франции порвать свои слабые внутренние дыры. Итальянская печать кричит об исторических правах Италии на французский Тунис, французскую Ниццу, французскую Сирию. Итальянский фашизм приоткрывает занавес, на которую его толкает растущий кризис.

Французский капитал отмечает уже форсированием своих планов «Пан-Европы». Что это план является только попыткой закрепления гегемонии Франции в континентальной Европе, созданный Версальским договором, это достаточно уже засвидетельствовано уже ответами Италии, Германии, Венгрии, — как раз тех стран, которые оказались обделенными при этом обрабаванном Версальским контрактом. Оно является данью понять Бриану, что в «Пан-Европу» могут пойти только при условии, что она поможет им изменить связывающие их договоры, то есть, если «Пан-Европа» перестанет быть опорой французского континентального господства. Большой иронии не прядума бы и злейший юморист.

Атмосфера накаляется.

Она в особенности накаляется на наших глазах, то есть, если «Пан-Европа» перестанет быть опорой французского континентального господства. Большой иронии не прядума бы и злейший юморист.

чивают решающую фазу стратегического и политического окружения СССР.

На западной границе Союза нам противопоставлены теперь от Батидского до Черного моря оксаденные зубы польского, румынского и финляндского фашизма. Ускоренный курс фашизации Румынии и Финляндии, явившийся замечательным плевым к харо диктаторской буржуазии «демократии», показывает, что в области подготовки нападения на нашу страну империализм форсирует темпы, что кризис заставляет его спешить с войной, так как для него замедление действительно становится смерти подобным.

Вот почему второй красный день приобрел в этом году исключительное значение. На фоне растущего кризиса классовые бои становятся все более напряженными. Германия исподлохот политические лозунги. Германия переживает лихорадку стачечных боев и политических демонстраций. Германскому капиталу понадобились араконские законы 48 параграфа для того, чтобы преодолеть сопротивление пролетариата. Так называемая «демократия» и трещле всего социал-фашизм спокойно организовали плеву буржуазной диктатуры. Второй рукой большинство претерпело «Германия Гинденбурга дал направление:

«Держать курс на фашизм!»

Правительство Бринунга храбро выполняет этот социальный заказ. Оно не только вводит неслыханные налоги, не только понижает заработную плату и лишает пособий безработных, — оно при активной поддержке социал-фашизма восстанавливает запрещенные ранее организации фашистского «Стального шлема», дает полиции приказ во всех столкновениях рабочих с фашистами напасть на безоружных рабочих. И не даром германские рабочие говорят, что на улицах Германии рабочему сейчас ходить опасно: в течение нескольких последних месяцев отмечены десятки убийств рабочих, произведенных разгулаившей фашистской чернью при прямой поддержке полиции.

День первого августа стал при таких условиях днем новой массовой мобилизации под знаменами Коминтерна, днем борьбы за большинство претерпело «недочетом» прошлого:дого красного дня были именно его слабые организационные успехи. Партия вела за собой повсюду многочисленные колонны рабочих, но она их не смогла закрепить их в своих организациях, в красных профсоюзах, а комсомол не смог организовать массового отхода из социал-фашистских организаций.

В этом году во всех странах красный день прошел в условиях бешеного буржуазного террора в условиях растущей фашизации, рационализаторского нажима. Партия и комсомол на опыте прошлого года, на опыте преодоления правно и деволютистических болей:дого наивладе движение подальше еще на одну ступень, приближая его к решающей борьбе за власть, против подготовки новых войн, за мировую республику советов.

Wir schützen die Sowietunion!¹

Я. Юдичкий

Некий престарелый социал-демократ, верноподданный немецкого кайзера Вильгельма и в то же время один из вождей социалистической молодежи, в день объявления русско-германской войны, снял с моего женского местечка и отправился на фронт добывать победу «носителем культуры», императору Вильгельму II.

Социал-демократы, друзья и почитатели престарелого антиматра, голосовали в это время в рейхстаге² за предоставление усиленных кредитов на войну с Россией. Захлебываясь от восторга, государственные мужи водили о германском поступке социал-демократического патриота. Они требовали от всех активистов социалистического союза молодежи и от рабочей молодежи, чтобы они, по примеру этого престарелого «героя», также отправлялись на защиту... своего отчества.

В высочайших статьях они доказывали, что наступление русских полков, грозившее государственным границам Германии, стирает раньше всего границы существовавшие раньше между классами: «И принц, и нищий одинаково берутся за ружье и равно защищают свою родину».

Престарелому слуге кайзера с социал-демократическим билетом не повезло: вскоре пули царских солдат отравили его в лучшем мире. Но свое гнусное дело социал-патриот сделал. На фронт пошла затравленная душой ружья, тысячи активистов из социалистического союза молодежи. Пошли на фронт убивать своих—русских, французских и английских солдатов по классу, признавших, как и они, отечественной буржуазией драться за интересы английских, русских, французских и всяких иных банкиров, помещиков и заводчиков.

Гривула империалистической войны. Она сорвала с мирового социал-соглашательства покров будничных слов о готовности... бороться до последней капли крови за идеи II Интернационала, обманувшие даже еще одну каплю дряхлости до последней капли крови... но только не своей, а иноземной— и не за идеи социализма, а за прибыль своих капиталистических хозяев.

Молодежь, не искушенная в тонкостях политики, пошла на фронт. Месяцы войны вымывали из ее рядов тысячи, сотни тысяч жизней, искалечили десятки тысяч молодых тел. Но месяцы кровавых боев помогли оставшимся в живых и тем, кто в тылу переносил тяжесть военных лишений, избавиться от провинциального угара. Они осознали необходимость войны.

И молодежь воюющих стран стала продвигать. Она начала понимать на тяжелых уроках, что проповедуют социалистические вожди... Она стала постепенно отходить на новые позиции—позиции войны с социал-предательским руководством, на позиции классовой антивоенной борьбы.

Особенно много в этом направлении успеха германская рабочая молодежь. Оценив ненависть к угасшим империа-

лизма, негодованием по отношению к социал-предателям, германская молодежь проделала большую работу по разложению кайзеровской армии. Эта работа проходила под лозунгом «разружь войну». Лозунг Ленина о превращении войны империалистической в войну против отечественной буржуазии еще не дошел до сознания широких масс молодежи.

Репрессии, каторга, заточение в крепости и даже смертная казнь не останавливали молодежь. Армия снабжалась газетами и листовками. Они проникали в окопы в банках из-под консервов, в солдатские посылках, в письмах родных. И солдаты набрасывались на эту «шпунц», хранили ее лучше, чем солдатский паек. Видно, эта революционная литература имела свое действие. Иначе нельзя объяснить, почему так жестоко расправилось военное командование с солдатами и матросами, у которых находились нелегальные газеты и листовки. Обнаружившие этой литературы заставляли суд над пятью матросами. Их приговорили к смертной казни «за измену».

Поимавших при распространении революционных листовок в тылу приговаривали ко многим годам тюрьмы. За издание и распространение в Дрездене газеты «Борьба» один из руководителей организации молодежи, тов. Левинсон, был приговорен к 8 годам заключения, другие получили по 4 и 2 года заключения. Всего осуждено было по этому делу 12 молодых рабочих.

Под гром пушек, в атмосфере предательства и физического уничтожения сотни тысяч молодежи всех стран, в апреле 1915 г. в Берне (Швейцария) собралась небольшая группа молодых революционно-настроенных работников социалистических организаций молодежи. На конференции участвовали 16 представителей из 10 стран: Германии, России, Болгарии, Норвегии, Италии, Польши, Швейцарии, Швеции, Дании и Голландии. Здесь на Бернской конференции был выдвинут лозунг о проведении ежегодно международного юношеского дня. Он должен был явиться символом борьбы революцион-

ной молодежи против предательской тактики социал-соглашателей, он должен был объединить рабочую и трудящуюся молодежь на борьбу против войны.

Так было положено начало Международному юношескому дню. Бернская конференция, выработавшая этот лозунг, являлась вместе с тем истоком мощного революционного юношеского движения. Несколькими годами позже (в 1919 г.) организации, существовавшие в Бернской конференции, объединились под двумя коммунистическими знаменами основанного в этом году КИМ³. Ленин помог коммунистскому движению занять правильные позиции в антиимпериалистической борьбе. Ленин говорил: «Если тебе дадут винтовку, научись хорошо ею владеть, чтобы уметь стрелять в своих врагов». Ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую дал юношескому революционному движению правильное направление.

Каждый год вписывает в историю комсомола всего мира новые и новые страницы героизма. Они полны непреходящей воли к борьбе и победе. Они полны патриотизма классовой борьбы. Революционная молодежь ведет ее по азвествам Ликхейста, первого повстанца за собой на революционную демонстрацию 1915 года берлинскую молодежь, и Ленина, вложившего в руки молодежного отряда пролетариата острое оружие—ленинизм.

МОД зародился как символ борьбы трудящейся молодежи против империалистической войны. МОД всегда являлся смотром революционных сил молодежи и ее боевой готовности. Это свое значение МОД сохранил на всем протяжении полутора десятилетия. Но каждый год давал юношескому дню свое собственное содержание. И это вполне понятно. Ведь МОД вбирал в себя все то, чем в каждом году жила рабочая молодежь. Лозунги МОД⁴ отображали те конкретные условия, в которых в данном году протекала классовая борьба. Лицо МОД⁵ менялось в зависимо-

В БЕРЛИНЕ.

Пролетарский Веддинг на демонстрации.

¹ Мы защищаем Советский Союз—из песни немецких комсомольцев.
² Парламент.

сти от потребности революционной борьбы пролетариата. И именно это — жизнеспособность лозунгов МОД — и сейчас собрало под знаменами КИМа огромные массы революционной молодежи.

В МОД 1915 года основным лозунгом было: «Долой войну, да здравствует мир!» В следующие годы революционная молодежь получает широкое развитие, особенно после Октябрьской революции, и этот общий лозунг заменяется конкретными лозунгами революционной борьбы. В эти бурные годы лозунг Международного юношеского дня зовут к вооруженному восстанию, непосредственной борьбе за власть, к ожесточенной борьбе против интервенции империалистов в Советской России.

Наступают годы разгрома западно-европейского пролетариата и укрепления капитализма. Лозунги МОДА организуют боевые силы молодого поколения пролетариата для подготовки новых свавотс с капитализмом, они отражают борьбу рабочих масс за свои политические и экономические интересы.

В наше время укрепления Советского Союза, его огромных успехов в социалистическом строительстве угроза нападения империалистов становится все более и более реальной. И лозунги МОДА последних лет — лозунги борьбы с империализмом, защиты СССР как отечества международного пролетариата — выдвигаются на первый план.

Лозунги МОДА никогда не теряли своего пролетарского характера. Все больше и больше, из года в год, они пропитываются классовым содержанием. Боевые отряды КИМа выходили на улицы, высоко держа знамя классовой борьбы и тудую своей защиты лозунги комсомола. В кровавых схватках на улицах Берлина, Шанхая, Варшавы, во Франции, Италии, Америке, на Балканах — везде комсомол выдерживал взвзех на политическую зрелость и боеготовность. Не прошло еще ни одного международного юношеского дня без того, чтобы наши зарубежные братья не потеряли нескольких бойцов. С каждым годом боеготовность, новые силы обрываются все с большей и большей жесткостью на демонстрирующие отряды молодежи. В странах, где наши соотечественники являются легальными, власти под всекими предлогами запрещают в МОД выступать на улице. Нелегальные организации распространяются без всяких предлогов.

Наш польский союз показывает огромное мужество храбрости, организованности и революционного упорства. Зная, что ждет их на улицах Варшавы, Лодзи и других городов, польские комсомольцы все же выступают и выступают не сектантской группой. За ними идут тысячи молодых рабочих. На нашей памяти кровавое столкновение в Варшаве в XII МОД и в прошлом году. Разогнанные полицией и сжигаемые казнями в одном месте, демонстранты собирались через несколько минут в другом, заранее намеченном. Ни шапки, ни выстрелы не могли помешать польской рабочей молодежи. Хотя на час, хоть на полчаса, но варшавские площади принадлежали комсомольцам.

Наш китайский союз. За принадлежность к комсомолу всякий китайский милитарист рубит голову молодому рабочему. Но это не останавливает движения рабочей и безымянной молодежи Китая. Стены домов Шанхая простят комсомольских листовками. В каждый МОД на предпринятиях китайских и зарубежных эксплуататоров молодые рабочие проводят свои митинги. Комсомольцев слушают и скрывают от полиции.

Германские комсомольцы в прошлом и позапрошлом году, несмотря на запрещение, провели грандиозные МОДовские демонстрации. Бой у цирка Буш в Берлине, возле которого полиция организовала нападение на комсомольцев, закончился для полиции очень плохо.

Итальянские комсомольцы каждый год задают фашистской милиции много работы. Как и польские комсомольцы, они ежедневно доставляют властям удовольствие в слепой

В ИТАЛЕ.

После занятия.

агрости срывать «красные трипик», водруженные на самом верху телеграфного столба или на чинде колоколов. Их листовки портят кров «евангелию» Муссолини.

И везде — на знаменах, в листовках, прокламациях, афишах, в лозунгах, напечатанных или выскобленных на стене, наклеиваемых на вагонах трамвая, в неожиданно появившихся улицы буржуазной столицы транспарантах — начертано:

— Мы будем защищать Советский Союз от буржуазии всего мира. В случае нападения на СССР мы обратим оружие против своих правительств.

XVI Международный юношеский день за рубежом проходит в условиях активной подготовки империалистов к нападению на СССР. Под руководством крупных империалистических стран, в частности Франции, западные наши соседи — Польша, Румыния, прибалтийские государства — деятельно готовятся к войне против СССР. Подготавливается для этой цели и тыл. С молчаливого согласия, а в большинстве случаев при непосредственным участием социал-демократов, происходит фаншизация государственной власти. Иными словами, крупная буржуазия прибирает к рукам силами военизированной государственной аппаратуры, насаждает такую же зату на рабочие организации, разгоняя революционные союзы и физически уничтожая руководителей революционных рабочих. Все это делается в расчете на то, чтобы обезопасить тыл в момент нападения на СССР.

Успехи Советского Союза, заражающий пример пролетариата СССР, строющего в союзе с коллективизмурующейся деревней социалистическое государство, не дают покоя империалистическим хищникам. В наших успехах — причина все более и более ясно выплывающей угрозы нападения на нас. Кимовские отряды не могут пройти мимо этого. Для них успех СССР — их успех. Поражение СССР — их поражение и гибель. Вот почему основным лозунгом вышеследующего МОД будет лозунг активной защиты СССР.

В эти дни задачей комсомолов всех стран является вовлечение широких слоев трудящейся молодежи в борьбу рабочего класса. Но зарубежный комсомол не должен ни на минуту забывать, что работа эта должна проводиться на основе тех решений, которые вынесены последним пленумом исполкома КИМа. Эти решения говорят о повороте в практической работе КИМа.

Основным недостатком в работе КИМа надо считать неумение ухватить основные политические лозунги с непосредственными экономическими требованиями рабочей и

крестьянской молодежи. Секции КИМа слышат и рядом не умеют возглавить движение рабочей молодежи, выступившей на путь экономической борьбы, перешедшей зачастую в борьбу политическую, выступавшей на путь забастовок и стачек. Секция КИМа не развинули всех видов массовой работы, они вели замкнутый образ жизни, страдали сектантством, т. е. иными словами, очень мало делали для привлечения масс рабочей молодежи в ряды комсомола.

В ноябре прошлого года состоялся пленум исполкома КИМа, который выработал боевой лозунг о повороте, о повороте лицом к большевистским методам работы. Пленум поставил перед союзами задачу возглавить экономическую и политическую борьбу молодежи, потребовал от союзов, чтобы они закрепились на крупных заводах и фабриках.

Пленум осудил правых оппортунистов, не веривших в беспособность и революционизирование пролетарской молодежи и стремившихся залезть в скорлупу оппортунистического благодушия. Пленум особенно подчеркнул политическую зрелость «левых» сектантства, являющегося главным тормозом в проведении большевизма КИМа. Он осудил массовость некоторых секций, извративших смысл и значение комсомола, как массовых боевых организаций, и стремившихся превратить союзы в какие-то сектантские, закрытые для масс кружки.

Комсомол, рабочая и колхозная молодежь Советского Союза с огромным вниманием будут следить за борьбой наших братских организаций, и в то же время советский отряд КИМа в боевой XVI международный день просмотрит, как он выполняет свои обязательства международного пролетарского революционеры. Ни на одну минуту нельзя забывать, что мы являемся лишь отрядом международной пролетарской революции. И в этот день мы должны подложить свою работу в области интернационального воспитания. Мы должны проверить наши связи с зарубежными отрядами КИМа, мы должны с еще большим вниманием следить за борьбой на Востоке — в Индии и Китае, где разворачиваются гражданские классовые бои.

В Международный юношеский день мы должны проверить обязательства, принятые комсомолом как ударной бригадой социалистической стройки.

На заводе, фабрике, в колхозе в этот день комсомольская ячейка должна провести смотр своей работы. С большевистской прямолинейностью мы должны отметить недочеты в нашей работе и немедленно приступить к их исправлению.

Рисунок из французской коммунистической газеты «Казадри»: «Путь социалда ведет к красному знамени»

НА ШАХТЕ- ВЗРЫВ!

М. Черненко

В прошлом месяце на шахте «Мария» в Кадеево произошла авария. Он вырвал из рядов бойцов за пятилетку несколько десятков людей. Цепь неполадок на шахте «Мария» не могла не вызвать авария. Научитесь работать четко, стоекости в своем обязанности и не большевеществу догу—вет, что требует от нас тяжелый урен ката-стрфы.

Быют на шахте сигналы. Три удара. Чер-таре. Два. Клеть идет то вниз, то вверх, поднимая и опуская людей, груз. Только бы не двенадцать ударов. Это—«качай больно-го», «несчастие». У стогу грузовой собирают-ся откатчики. Ждут... Один удар—стой!

До безобразия много неполадок на шахте. На четвертом пласте рассучился канат, смена не работала, стояли составы столпивше-го порожняка. С эстакады умурлялись вагоны породы стрункой в чистый уголь. В двухсотметровой лаве ископали линию конвейера.

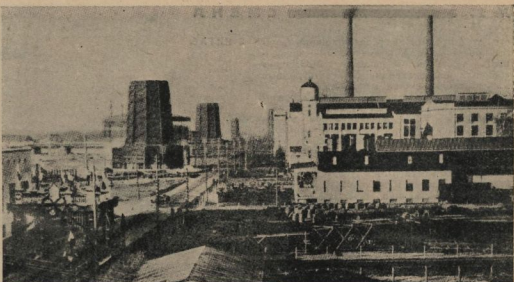
Восемь дней назад «Мария» вышла из аварии. Лопнул вал подвешивающей машины. Шахта замерла. 140 горняков работали тогда на ней. Уадрилки Краматорского за-вода новый вал изготовили не в три неде-ли, а в девять дней. 3 июня его привезли на шахту. Тщательно подконтролировался к этому дню подвешка. Утром 9го начал ра-ботать пласт «Никанор» и двухсотметровая лав. Убавила нехватка людей. За два дня многие разобрались по окружающим руд-никам. Медленно шахта набирала скорость, чтобы заехать на копре красной горю— знак завоеванной и закрепленной по-беде.

Випла родился гас-то между четвертым и пятым штреком. Стоял вентилятор (на «Крупской», шахте-соседе, повредило ка-бель). В забоях скопился газ. Предупре-дила бензинка—она вспыхнула у десятника. Покрышавая, шахтеры вылезала из штрек переждать, пока поядет вентилятор. И не пережидали.

Безники у надзора зажились особой кремневой зажаткой. Кремнев их содер-жит чрезвычайно горючий сернист. Газ же вышел из забоев, он запахло штрек. И когда десятник начал зажигать свою лампу, в штреке произошла поаувальсика, поау-варив газ. Лампа покотилась к уклоню. А затем... Огонь хлестнул на встречу свежей струе воздуха. Выжила лавомощнее рамы крепления. Лопался воздух от нестерпимого жара. Пласты угля, крепи покрывались бу-ровой коркой кокса. Вверх на подем, по уклоню, убагали испуганные вагончики, на-скандали друг на друга, сползающиеся, сторонились от огня. Огонь мчался по уклоню к коренной, програвя в нее и погас гас-то у самого входа, кипнул вперед, в стволу, вихрь пыли. Пыль вырвалась на поверхность и огромный пламя факелом поднимал над зданием шахты. Пыль и воздух шли, расширявая подкачки, разогная вагоны, разрушая препятствия. Внизу, на подземном рудничном дворе, испуганно вслед ни смо-трели люди.

А по штрекам вслед за вихрем шла пеле-на угара, газа, усыпляющего людей и убе-вляющего их так же просто, как газарек.

Сесарь Поддубный и еще двое работали на восьмом. Несколько мелчайших долей секунды вырвало из сознания. Воздух удар стал нестерпимо горячим. Кто-то в раздум-

ВСТУПАЕМ В ТРЕТИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ.

Новые заводы в Сталинграде.

повалил их на землю. Ослепая глаза, оглу-шил смрадом. Лица заняли под тучей дроби-нок, занесенной с уклона (вихрь низомал слышимые заслоны, захватывая с собой тончайшую пылевую пыль и блягую людей, как охотничий дробью).

Поддубный попытался встать, схватился за борт вагонетки.

Огой! Железная стена оказалась горячее, словно зубок, только что накаленный в кузне. Рука отпирнула: Редкие, тяжелые, как свинец, капли падающей породы стучали сади. И в дугу...

Что это? Бред? Голоса из глубины штрека, далекие и непонятные, ясно дошли до сознания. «А... а... а...». Это из одиннадцатой пещки. Один жиник.

Истинный повила провал разума. Еще медло стучала уба, сведенные судорогой испуга, а люди уже обрели себя. Они рину-лись к уклоню. Дым закупорил выход. От-бросил обратно. И тут вмешался Шкуркин, старший карьерный забойщик.

Войно смочила лица и одежду. Гуском, прорывавшись через заставу дыма, вышли на ходок. Газ врывался дыхание. В висках стуча-ло. Серверий ходок оказался завале-ным. Берушился. Снова наступали. Чер-довали наступление с отходом, протиска-лись через старые сквозные печи.

Почти у себя. У входа на ярогах остался только Шкуркин и Чалый. Они пробивсь к свежому воздуху, захватив воду, верну-лись обратно. Выносили уже почти задох-нувшегося Богуславского, горючего деся-тника Алексея Яковина. Трое ползали, Якови-на несли. Он упрямился Шкуркин:

— Дай сыну! Прощу тебя, дай, хоть чу-точку... Спать... Спать... Спать...

Обязательной казалась каменистая почва штрека. Только-бы спать. А этот старик, братоголовый чурбан не даст...

Пыль вышло. Их встретили спасатели. С Яковиним потом долезали и Шкуркин. Он еще долго возился со спасателями, показыв-вал пути, помогал работать.

Из восьмого штрека погреб только один. Он думал победить газ ударом в лоб. Силь-ный и бесстрашный, он бежал вперед прямо по уклоню. Пламя и угар бросили его к сте-не. Труп так и налил потом, вытиснувшийся во весь рост, втиснувший между двумя стои-ками крепления. Остальные семь вышли.

...Всего на уклон пласта «Никанор»-Север-работало 88 человек. Прямидь семь из них не рассказали о своих происшествии часах. Их подбиравли в завалах, в штреках уклона, по коренному. Большинство—сезонники, ле-туны, новички, плохо знающие шахту.

Угас жиник их нередко прямо наустречу смерти: Бросая лампу, инструмент, люди бежали. Куда? Куда-либо. Трупы находили в пути. Их догнал газ, окисл углерода, сладковетый угар, предательски манящий ко сну, газ непосредшей химической формулы.

Потом страшно было ходить по штрекам. Разбросанные аккумуляторные лампочки яркими точками дрожали в канавках, между шпалами, в лавах, заперенных за стойку. Бросались туда. Искра людей. Людей не было, они убежали «на темную». Их гнал страх, победивший сознание, этот же страх загнал молодого инструктора ЦИТА мимо спасательного выхода в старые, заброшен-ные рамыты III бремсберг.

Некоторые спасались через бойки в сое-динение шахты «Альберт» и «Крупская». Двад-цать девять человек «выдали» спасатели.

Чижевский шес к югу. Он—десятинок по движению, а оттуда почему-то долго нет колониата. На стоаду его только что за это раздвигала зав. «Чудак, как-будто Чижев-ский виноват. Наверно, нет уга. А погла-деть надо...»

Он шес, зорко всматриваясь. Аккумуля-торная вырезала в темноте точно освещенный круг.

И в дугу... В спину наотмашь ударил че-то тяжелое.

— Кто?!

Нападальний не давал говорить. Так же предательски он отшвырнул Чижевского в сторону и подмал под козу? Волна пыли прощелась дальше. Вдалеке кто-то, нату-жившись, с силой поржал холостину.

Чижевский бежал... В штреке гудела про-щелася буря. Вынырнул стрелочник.

— Что за шум ударила?

— Наверно, труба воздушная лопнула. Надо к стоаду скорей, узнать...

— И верно.

Бежал. У выхода к стволу его остановил зав. шахтой.

— Куда ты?

— Ударно что-то. Узнать надо.

— Бежи на четвертый. Потом прилечь мне скажешь.

Остальное завало секунды. К пласту, чет-вертому по стету,—«Никанор» по назва-нию,—путь был отрезан. Сжимало удушье. Вперед не лускал дым. В камере насосос вместе с монтером нхалили воздух. Звонк на уклон отказался работать. Да, ясно:

— Вышла.

Подбегая к стволу, Чижевский услышал сигнал «на гора»... Это—лишь бы не уехал стволоний. Будет лавина, будут люди без толку прыгать в клеть, без толку бить сиг-налы. Давка... Давка... Нет, стволоний надо удерживать во что бы то ни стало.

Имеюгая, выскочил он во двор с криком «стой». Кто-то из подкачковых его крик повторил сигналом. Клеть уже поднималась. С ней уезжал стволоний. Его доаго приль-лось уговаривать.

— Останься, тебе же вреда не будет. Люди погибнут. А я только на пять минут заву

1 Подняли наверх.

2 Повеода для доставки лесоматериала.

сказат. Потом обратно. Сволочью перед народом будешь...

Клеть вверх. Черед лестниц. Контора. Крик заву: «Вышла». Овить ступеньки. Клеть. Ствол. Это заняло меньше пяти минут, много меньше.

Наверху—он видел—уже сновали люди. А в шахте, на далеких пластах другого крыла, работали люди, не подозревая о катастрофе. И тогда комсомольцы-десантники дожили—Чикеский—начал действовать. На «Атаман» он послал поджигчиков.

— Порвался кабель. Тогда нет. Пусть смеет идти «на гора». Только что не задерживались. Зан сказал.

Люди отсюда приходили, их молча качали наверх. О западе гарн говорили: «Сторел кабель?» И только наверху они узнавали: «Звучит в шахте... на «Никаноре».

Последнии приехали коноганы: сын красного партизана Иваски и Червинько.

— Что долго току нет?—спрашивали они Чикеского.

В ответ он увлек их в паста катакомб, из которых сочилась струйка дыма.

— Выплыл...
— Где?
— Там, на штреке, лежал девятнадцатилетний коноган, татарин Акметчан. Партийный активист придалов лошадей. Она ныла и человечески, понимая боли глазами сморзела на подошвах. Негнудился над человеком Он стонал, поскрипывая зубами. В открытые глазах был бред, капли пота выступали на лбу. Жив! Сверху навалево див вагончика. Осторожно начали высасывать.

●
На стволу высказывалась первая группа комсомольской помощи...

●
Гудка не было. Столб пыли над шахтой заметил ребятишки. Они испуганно заметили по поселку, и тот сразу ожил.

— Варыл?
— Варыл.
— «Мария».

Послал кхмычу в шахте. Люди бежали без крыки, не останавливаясь. Женщины на ходу отстегивали подолнутые юбки. Некоторые причалили. Струйки людей слетали в ручейки, в поток, в слесную лавину.

Каждо-то молодца в праздничном сарафане, поворачиваясь из стороны в сторону, тешно обращалась ко всем пробогающим:

— Люди добрые... Да, что-ж это такое...
Лю... д... л... и... и...
Не оборачивайтесь. Сколь тула, где отцы, братья, сыновья, мужья...

●
Факел пыли над шахтой потухал. Пыль осывалась вниз, а там струдилась толпа,

безмолвная и ожидающая... Ее трясло как в лихорадке, пружинила напряженно.

Когда вбежал в контору, когда у зава от вошения голова стал сильным и дрожжаним.

Через пару минут бригада добровольцев спасателей из 24 комсомольцев была готова. Часть прибежала из ячеек, другие выбились из толпы. И тогда в груду людей, лихорадочную и настороженную,—комсомольцы бросили примы:

— В шахту кто? Людей спасать...
По-одному вышло четверо. Коммунист—шахтер Ефремов, машинист врубочник—Кушнерев, кларочник-забойщик Петр Шкрику и Рыбенко—секретарь шахткома.

Этажи разгружались мгновенно. Выпрямившаяся Бежали по штреку, окруженные дымом. А потом...

В бок с газом человека зашпиновали маски. Их не было у комсомольцев. Смелость бросала их в штрек, заполненный газом и дымом. Они прорывались в дыму, задымляясь, спасали погибавших. Они дрались со стихией, не отступая, не сдаваясь. Подкапывали залдыхавших и тащили к стволу.

Будили засыпающих. И многие, выражаясь из уклона, спокойно кидались спать лежа же, на коренном штреке. Праводолея растапливал, уговаривать, нести. У самого уклона молодой штивец, схватившись за голову, тынул какую-то непередаемую ноту.

А... а... а... а... а...
Его октавил водой. Оттошел...

— Воли... Дайте воды...
Душиль дым едкий и вонючий. Было одно спасение—в воде. Угоревших из команды тоже оттаксавили к стволу. Отгвалили. Шли обратно.

●
Через минут десять в шахту спустилась спасательная команда в респираторах.

●
По десятому штреку для откачки воды давно вырыта большая вместительная помойница. Тула торопились пробраться. Ждали людей. Проткнув двери, спасатели в ужасе шарханулись назад. Вода светилась. Она горела изнутри, все словно налитая расплавленным металлом. Ртутью переливалась вода, играла радугой. Медленно проходили титанические секунды ожидания. Слова прооткрылась дверь. Также спокойно и угрожающе горело в воде пламя. Это светилась аккумуляторные лампы, брошенные в помойницу спасателями от газа шахтерами, но и они не укрывали. Газ настиг их. Выесте с лампами «выдали» наверх их трупы.

●
Весь вечер, всю ночь продолжались спасательные работы. Поздно ночью в комсомольской ячейке шло короткое, бурное собрание. На повестке: «Вышла, выдана гру-

пов. По этажаке уже ходили комсомольские патрули, в больные дежурные комсомольцы, обмывали раненых, помогали перевязывать, в шахте заканчивали свою работу комсомольцы-десантники.

Комсомол должен знать имена своих героев. Вот они, кто шел в первых рядах. Мейков И.—экономист, организатор комсомольского дивизиона, молодой забойщик Дуванов, агитатор шахтой ячейки десантник Желанин Ю., студент-комсомолец, практикант Политехнического института Дубосей Каганович, молодой крепильщик Шура Кукерев, помощник участка ствального техника Петя Шерстюк, машинист врубочник и «генсек» горнорудческой комсомолки Алексеев Моисеич, бригадир «эвалерно» крепильщик Алексей Грызалов, машинист Ваня Ушаков...

●
Вокруг аварии грядные людинки заводили грядные разговоры:

— Новое, гляди, и похоронят. Чтобы скрыть. Жизнь теперь кругом такая. Правда, иди же.

— Говорят—тридцать пять. Кто их считал. Словитая, счет за 70 пересчитал.

●
Слетавшая команда спасателей на безобразнейшее-халатном отношении к технике безопасности. Блеветнику гнусной лжи выхарили на спасивших: рассказывали о кражах у погибших.

●
Нужно было чточку приглядеться—выглядывала личина кулака. Только сейчас она скрылась под маской сезонника.

●
В группах рабочих их встречали в штыки. Ругали матерными словами. О некоторых приходило рассказывать в ячейку. Так «засылался» Горелеский, сын кулака, коноган, только пару дней подвизавший завлечение в партию.

●
Я видел людей, потерявших в катастрофе двух-трех человек. Видел лица, иссушенные слезами. И все их дела, все поступки в дни бедствия позволяло сказать: «Рабочие «Мария» встретили несчастье исключительно выдержанно, по-пролетарским стойко».

●
Ночью поселок не спал. Вродали тени. Мелькала алая. За сотни километров от границ... Доббаса прыгали спасательные команды личисных и горловских горняков. Загоралось утро, желтое и пасмурное.

●
Семнадцатого вечером их хоронили. Братская могила вырыта с габ шахтного кубка. Мимо выставленных सदощ с телами протянулась несокращаемая цепь горняков, прошли делегации соседних шахт. Сколько их всего: двадцать ли тысяч, двадцать пять, тридцать? Речи. Тяжело их говорить, тяжело слушать. А ведь как слушались. Не слова в сухойшей брошеные—серия крепкой мысли.

●
Из дети погибших надо воспитать специалистов, чтобы наши шахты не знали подобных катастроф.

●
Над клубом взлетел черный флаг—знак аварии и бедствия. Полоничне его разорвано неподалеку ударами о проволку антенны. Флаги траура подняты на всех окружающих шахтах.

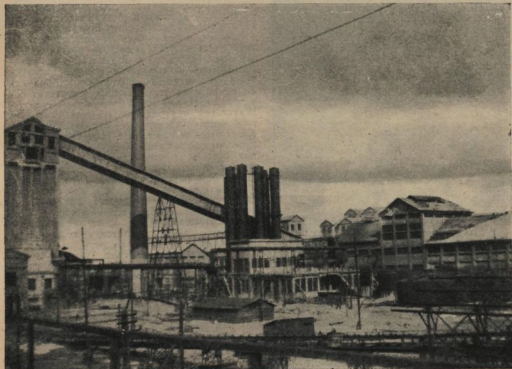
●
За героним и самоотверженное спасение погибавших от имени правительственной комиссии и правительства вынесена особая благодарность рабочим шахты «Мария», Шукурино и Чапанчино, секретарю комсомольской ячейки Когану и всей комсомольской бригаде по спасению. Перея правительством возбуджено ходатайство о награждении Шукуриным орденом Трудового знамени. Девять человек из комсомольской бригады во главе с Коганом все первой очереди командированы на учебу.

●
Кадренская организация комсомола начала мобилизацию и перебурку для работы в шахте «Мария» семидесяти лучших комсомольцев-горняков.

●
Скоро шахта их «37» начнет работать. Над могилами погибших шахтеры дали клятву зажечь на ее копке красную звезду. Звезда—знак великого горняцкого похода за уголь.

●
ИСПУЛИАМ В ТРЕТИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ.

●
Индустриальный Сталинград.

КОНВЕЙЕР ЖИЗНИ

Очерк Мих. Гольдберга

Маленькая «КБ» (карманная батарейка), сгорающая в течение четырех часов, должна перескочить на конвейере девять барьеров самых упрощенных, мигнованных операций. Кислота безостановочно разъедает цинк. Электрическая сила сухого гальванического элемента сгорает, еще не родившись. В конвейерной цепи тысячи элементов текут, движущийся серыми бочками друг к другу. От сопряженного процесс, срываемости усиливается. Около полметра прокладает. Скорей изолировать! Элемент, прокладка элемент... Элемент, прокладка, элемент... В хвосте конвейера батарейка впервые видит мир—она вспыхивает желтым газом под руками ссутулившего контролера. «КБ» марки «Сигнал» залита смолкой, залкнена. Скорей събыть с рук!

Люди, делающие батарейку, подчиняются новым законам. Изолированные друг от друга каменной толщей бята, они светятся в жизни бледными немощными огоньками. Они быстро срабатываются в суровую и могучую эпоху коллективизма. Комсомольцы конвейера «КБ» и конвейера «Восьми-десятипольтовых» взорвали каменную стену, когда почувствовали, что иначе не пробиться из мрака. Опыт ударной бригады подказал путь. Они боролись за конвейер. Они устояли перед раздражительной злобой стариков, перед угрозами, перед первыми неудачами, завалами и головокружением от несприхв.

В огромной кустарной мастерской, которая называлась заводом «Мосэлемент», в огромной этой мастерской, где еще теперь разливается состав по полусам, как чай по стаканам,—потекала лента конвейера.

Кустарническую медлительность покораил ритм непрерывного потока. Скачкообразность неорганизованной работы эпо вдохновенно заменялась ровным и быстрым движением. Ударники боролись за ритм, за темп. Завалы срывали дело. Иные люди не годились для определенной операции. Их надо было перебрасывать на другую. Конвейер настраивался, как скрипка.

Комсомольцы обеих конвейеров были большей частью «детдомовского» происхождения. Ребята и девчата, давным давно потерявшие семью или вовсе не знавшие ее, жили по чердакам и углам, ютились в забытых койках рабочих спален, а то и вовсе не имели пристанища и ночевали по-

Больше пяти тысяч московских комсомольцев выехали в этот году на коллективные дачи. Мы имеем дело не со случайными, незначительным вложением частного порядка, а с глубинным процессом строительства новых—коммунистических форм быта, лучше организующих людей для борьбы за пятилетку. До сих пор ни комсомол, ни общественные организации не подошли по-настоящему к руководству строительством колхозов и к изучению их опыта. Сегодня мы печатаем очерк о коллективной даче комсомольцев завода «Мосэлемент»—одной из лучших по Сокольническому району.

очередно у товарищей по заводу. Ефим Гусев не имел товарищей и потому устранился на ночь на истерты лавках III класса Ярославского вокзала. Этот народ никогда ничего не ел по утрам, но на работу являлся аккуратно. Слабые иногда сдавали. Девичье, не поевшей с утра и не знаящей, где она будет сегодня ночевать, начинало врать как-то, что лента конвейера остановилась, а сама она куда-то стремительно несется в сторону. Она закрывала глаза рукой... Лента текла мимо. В минуту возникла затор.

—Завал! Опять завал!.. Чего ты спишь?!. Неорганизованный быт наследовала тысячу лет на производство. Вопрос бытового станулся вопросом производственным. Это стало ясно на комсомольском собрании, когда обсуждался доклад об роли комсомола на производстве. Тогда был впервые задан вопрос о коллективной даче. Можно ли организовать для ударников коллективную дачу?

—Два месяца—с дачей опоздали,—сухо отвечает докладчик.

Его не слушают. Да, да, коллективная дача, коллективное житье—правильно, черт возьми! Цеху поддержки комсомольцев. Собой оцелал денег. Тогда распределили обязанности.

Варьке Георгиевской было поручено подобрать помещение, Дондушю—организовать питание, Геннадичу—раздобыть инвентарь. Десятки более мелких поручений являлись на себя остальные. Каждый создал какую-то частную, какую-то мелочь будущей дачи. В Лосинке¹ сняли до сентября помеще-

ние музыкальной школы—просторный строяный дом с верандой и длинным балконом. По расчетам Гуровой, вместе с овоенной платой и питанием выходило по 24 рубля на человека в месяц. В городе у каждого члзодило вдвое больше.

Когда переделали и обосновались, поняли, что без бортов коллективного житья не построишь. Рабочи были на конвейере—рабочи просидели на даче, несмотря ни то, что весь личный коллектив из 32 человек подбирался осторожно—далеко не всех взяли из поставших завалами.

Рван на конвейере просто бросило против лопки выходных дней в тяжелую минуту, когда заводу угрожал простои. Рван не даче отказывался носить воду («А почему я, а не ты?»), несмотря ни то, что все поочередно выполняло эту обязанность. Рван на конвейере поднимал крик и отказывался работать, если материал был качеством поуже прежнего. Рван на даче воевал скунды о том, дозую и обжаривал за счет товарищей.

Учение о гальванических элементах знает явление так называемой гальванической polarization. Та часть водорода, выделяющегося на медной пластинке, которая не выходит в воздух, образует электрод тончайшей пленкой. Эта пленка вместе с электродом и другим электродом образует снова гальванический элемент, напряжение которого, однако, направлено в обратную сторону падает. В жизни комсомольской дачи рванчи были этой водородной пленкой, понижающей творческое напряжение коллектива. Но медлительность дисциплины. В конце концов дело шло не о даче, не о бездельном отдыхе, которому мешали какие-то недисциплинированные люди. Дело шло о скользящем иррегулярном большинствею ядра, о складывании надежного ударного отряда, который должен был вести за собой беспартийных рабочих предприятия. Так ставила вопрос партийная ячейка. Так смотрели на дело сами комсомольцы. И если кто-либо умелаша выполнять эти задуачу, разговоры были коротки. Раз выговор, два выговор—и проваливай с дачи.

Жизнь строили по принципам пионерского лагеря.

Утренняя зарядка при любой погоде: дежурные до комнат, дежурные по кухне и столовой, ответственный дежурный по даче; военнизированная физкультура; обязательные рапорты о прошедшем дне за ужином; обязательный полнзачас; строякаппная чистота и опрятность одинаково застланных кратейки; низкая неорганизованных прогулок.

Человек имеет право на уединение. Тут живут—по разным комнатам—музыка и журналисты. Институтских запретов нет. Пожалею уединяться в свободное время. Пожалуйста—уединитесь, если надоел воелейбол, если не хочется пить, если не интересен вечер самодеятельности. Сама жизнь складывается так, что уединяться не приходится. В кибурьбой. На электричку—гурьбой. Это желание быть всегда вместе воспитали пионерское детство и потом завод—жестокая упорная борьба за конвейер. Но если хочется быть с самим собой и со своей папирозой? Или просто не хочется нигкуда итти, а сидеть в комнате и шоптать чулки. И вдруг вбегает раскрасневшаяся белобрыса Варька Георгиевская в своих вешних тенинских трусах: «Брось, Наталья, чулки чинить—пойдем в воелейбол... Надя улыбается. А ведь правда не мешает в воелейбол сыграть.

К II вечера дом захитает. Завтра в 6 утра первой смене на работу. Нужно ссречь себя, чтобы не кружилась голова на конвейере.

Одна смена едет электричкой на завод, другая возвращается. Конвейер жизни не замедляет хода. Сегодня к дачникам приехал

¹ Под Москвой.

На пляже.

Кузнецов—секретарь партийной ячейки, горячий друг комсомольцев. Сегодня вместе с Кузнецовыми прорабатывают Сталина. Завтра—совет дачи с активом, вопрос о помощи местному колхозу «Безбожники». Но есть сведения, что в колхоз затесался кулацкий элемент. Стоит ли организовать практическую помощь? Не будет ли это политически неправильно? Нужно прощупать.

«Дачники... Но какого чорта «дачники»? Чеховские герои, спешащие в своих благовонных, обвиваясь потом под грузом городских покупок; толстые мамами, разливающие чай на веранде для заивившихся гостей: «Насти, принесите клубничное варенье в банках». Какие-нибудь юнчики в светлых-голубых подтяжках, целый день валюющие в гамаке, какие-нибудь девицы, стучающие шарману на крокетной площадке... Дача, дачники, дачные романы, дачные мужья... Какой отвратительный клубок прошедшего!

Самое замечательное в том новом, что создает комсомольская коллективная дача,—это подлинное нутряное чувство коллективизма. Когда Варька Георгиевская говорит, что она не может, не умеет есть без компливу, что ей без ребят кусок в горло не идет—она не врёт. Коллектив не связывает, а развивает внутренне, глубочайшие стремления и подвиги личности. Тут, на коллективной даче, в родной товарищеской среде разрешилась личная трагедия одной девицы, которая чуть не ушла из комсомола из-за когда-то любимого, а теперь опостылевшего парня, не дававшего ей итти в жизни своей дорогой.

Она давила свою боль и отчаяние слабыми девичьими руками. Разве ребята из ячейки поймут ее и помогут в таком деле? Они сами такие, как тот. «Человек одинок,—говорила она,—ему доверять нельзя. Когда ее позвали на коллективное житье, она заколебалась: «Ладно... Попробую... Поеду». Парень стал еще больше издеваться: «Хочешь стать общим достоинством?» Не отечала. Перестала навещать комнату. На заводе была работа—легкая кавалерия: нет проволоки—конвейер стоит... А на складе полтныи проволоки. Впервые овладела за другое место, не за свое, не за личное. После работы—в Ленинку. Нужно подготовиться по Сталину. Кузнецов спросил—стидно не звать. Как-то по дороге со станции она спросила у подружки: «Неужели и стидвалось дружить?»

Люди тянутся к коллективу и меняются в нем. Беспартийник Фимка Гусев, чудом выживший в 21-м году в заваленной трупами болнице одного из поволжских городов, избродивший и искончивший юг и восток России, был взят на дачу с Ярославского вокзала. Первое время он спал в одежде и ни за что не хотел одевать трусы. Его твердое желтое лицо, зоб в морщинах—суровая печать жизней—всегда были слокоричны и серьезны. Работал он тоже спокойно и серьезно—старательно. Впервые он улыбулся на вечере открытия дачи, когда его наградили бурными аплодисментами за простую расказку о себе. Потом Фимка Гусев надел трусы.

Активист-комсомолец не может уйти из дому из-за того, что пивнуча-отец смертным боем бьет беззащитную мать. Сын должен защищать. Сын не может поэтому уйти из семьи. Ничего! Мы построим настоящий производственно-бытовой коллектив. Мы возьмем туда беззащитную мать...

— Неужели будет конец даче?—спрашивают иногда ребята.

Опять назад? В старые конуры, в грязь, в тоску, в беспросветное одиночество? В рабочем общестнии — пивныи, оргии, дачнички подгулолами влещут фокстрот. Вольно на эту мерзость! Выбросить чуждых людей, изолировать разожившихся, перенести туда порядки и дух комсомольского коллектива.

Организовать производственно-бытовой коллектив на зиму—это задача, вот цель, любимейшая мечта. Организовать прочно и постоянно коллективную жизнь. Вовлечь в это дело взрослых. Стать революционерами быта.

Разве мы не растем в коллективе?

На Москве-реке.

ИМЕНИНЫ...

Рисунки В. Люшва

Текст М. Яслопо

Прекрасные именины!
И в лоск
Багровый от вина,
От удавшегося вечеринки,
Убедительно просит:

— Прошу, ветчина...
Не желательн-ль —
Сардинки,
Весье в разгаре!
Ловелас и мот'
Ударник Митяй
Под гармошку
Щиплет,
Вгоняя
В шестнадцатый пот
Хихикающую Тощку.
И радом,
В углу,
Осудия прогуп
И призывал
Массы,

Некто, иная,
Наестся,
Что надуп
Сочувственную страх-
касу.

— Роби!—
Возглашает он,—
Ж-жу-пл-и-ик нна-род,
Эх, тем-ные
Еще массы!
Вы-ль-в-ом, друзья,
За культурный поход
И за сот-рах-касу!
Орет именинник —
Гуляй, не тужи
И... прчет
Селедку на завтрак
.....
Рассвет,
Гудни,
Уже завтра.

Бутылка вина,
Две бутылки вина,
Три бутылки вина,
Пиво.
Редис. Томаты. Ветчина.
Селедка. Сливы.
Плять девчонок
И плять парней
Рассаживаются чинно.
Именинник
В восторге:
Как у людей —

ЛИТКРУЖОК- УДАРНАЯ БРИГАДА СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

«Смена» начинает смотр рабочих литературных кружков. Из номера в номер будут печататься образцы творческой продукции литкружковцев и освещаться опыт учебной и общественной работы кружков. Все литкружки должны немедленно развернуть деятельную подготовку к смотру, привлекая к этому делу заводскую общественность. Смотр должен пройти под знаком социалистического соревнования.

Пролетарской общественностью, комсомолом, рабочими и литкружковцами в основном уже крепко усвоена та очевидная истина, что дело создания настоящей боевой, классово-непримиримой литературы — кровное дело рабочего класса. Беда лишь в том, что, осозвав эту истину, мы не научились делать на основании ее практические выводы и, главное, действовать в нужном направлении. Проблема пролетарских литературных кадров не разрешена. Пролетарская литература отстает от темпа реконструктивного периода. Когда на XVI Съезде партии т. Киров назвал членом производственного направления, написавших в промежуток между XV и XVI Съездами, раздались голоса: «Мало!» Мы можем, конечно, отметить ряд успехов в пролетарской литературной деятельности. Пролетарская литература растет в условиях обостренной классово-борьбы, в непримиримой войне с оппортунистичными метафизическими установками, свойственными мелкобуржуазному мышлению. Она сметает с дороги открытых и замаскированных врагов, она разрывает паутину фальшивой лести, на которую не склюются многочисленные «кружки из порока» литературных авантюристов. Пролетарская литература растет, если она пробивается вперед по пути завоевания гегемонии, — значит ли это, что мы должны сложить руки и умирно наблюдать ее успехи?

Рабочий литкружок на предприятии, где преимущественно занимается рабочая молодежь, является наиболее приближенной к жизни массовой ячейкой пролетарского литературного движения. В Москве и Ленинграде около сотни этих ячеек разбросаны по всем крупнейшим предприятиям, во всех пролетарских центрах работают многочисленные литературные кружки рабочей молодежи и частично взрослых рабочих. При всем разнообразии методов работы для всех этих кружков характерна одна общая черта: оторванность от общественной жизни, от политической и хозяйственной жизни своего предприятия.

С одной стороны, самый характер работы кружка, неправильная и чуждая пролетарскому литературному движению установка превращают его в какой-то «литературный салон», «общество избранных», где занимаются далекими от живой жизни, нудными литературными упражнениями. С другой — нас внавалу, в массе, на предприятиях не создано до сих пор сознательного, политического отношения к литературе, не изложены обязательные взгляды на начинающего писателя, как на «гигордирика», как на «самозванного» или «какого-то чудака и лодыря. Вместо активного включения литературного кружка в борьбу за промфинанс, в производственно-культурную деятельность предприятия мы имеем в большинстве случаев разрыв: литкружок все дальше уходит от ключевой заводской жизни, вырастая зачастую не общественной-писателя, который нам нужен, а раз-

магического, оторванного от жизни и борьбы своего класса литературного кружка, улаживающегося только формальными исканиями. Нам нужны не такие кадры. Мы знаем, почему окончились неудачей недавняя попытка ряда кружков писать социалистическое соревнование (очерки в «Литгазете»). Означает ли это, что мы не имеем возможности в настоящее время, каким является социальное положение, писали люди, совершенно не знакомые с жизнью предприятия, с настоящими, а не книжными рабочими, со всей сложностью производственных, технических и общественных процессов, рождающихся внутри каждого нашего завода. Для того чтобы стать пролетарским писателем, надо, в первую очередь, быть крайним образом связаным с делами и борьбой своего класса, надо принимать в этих делах и борьбе самое живое, непосредственное участие. Значит ли это, что мы против литературной учебы литкружковцев? Значит ли это, что мы хотим приводить литкружковца к «ограниченным» темам его предприятия? Кто ставит вопрос так, тот ничего не смыслит в путях развития пролетарского художника. Учиться надо, конечно, и по книгам, не забывая, что главная учебная книга — распахнутая жизнь. Темы надо брать и «пошнее», но для этого надо прежде всего прочувствовать, продумать и отделить борьбу своего завода, и не столько «отрывать», — это неправильное по существу понятие, — сколько самому принять участие в этой борьбе, вооружая отточненным оружием художественного слова.

Смотр рабочих литературных кружков, который начинает проводить «Смена», ставит основной своей задачей подготовку пролетарских литературных кадров. Но как будет выполняться эта задача? Значит ли это, что «Смена» должна печатать десяткодругой наиболее удачных стихов и рассказов литкружковцев и этим ограничиться? Ни в коем случае. Задачу подготовки пролетарских литературных кадров мы будем выполнять, борясь за поворот всех литкружков лицом к общественной жизни, выбрав одним из главных лозунгов — зовут: «Литкружок — ударная бригада в борьбе за промфинанс!»

Смотр должен превратиться в социальное соревнование литкружков на лучшее обеспечение художественным словом производственной и культурной работы на предприятии. Кто побольше ударит энграммой по заостроному рвалу и проглыщивку? Кто посильней и ярче даст стихотворный производственный лозунг для цеха?

Кулак на стройбе.

Кто напишет лучшую инсценировку на тему о выполнении пятилетки в четыре года, о качестве продукции, о снижении себестоимости?

Это не означает ни в какой мере, что мы хотим «смазать» творческое лицо кружков, что мы игнорируем творческие опыты литкружковцев в области стиха, рассказа, повести.

Само собой понятно, что именно эти творческие опыты займут главное место в смотре. Но литературный «Смотр «Смены» ставит своей боевой задачей связать одно с другим, связать агитационно-массовую литературную работу на предприятии с так называемым «серьезным творчеством».

Мы хотим добиться ликвидации вреднейшего разрыва между той работой, которую начинающий писатель делает в стенигасте своего завода, и той, которую он посвящает «настоящему» творчеству. Поднять агитационно-массовую, стенигастную, клубную работу литкружковца до большой политической и художественной высоты, связать работу литкружка с общественной жизнью предприятия и обеспечить тем самым здоровый общественный и творческий рост начинающего писателя — такова цель смотра.

Необходимо мобилизоваться.

Литературный «Смотр «Смены» — дело большого общественного значения. Не говоря о самой массе литкружковцев, необходимо обеспечить участие в смотре комсомольской организации, рабочих, стенигастчиков, читателей рабочих библиотек.

В настоящем номере «Смены» мы печатаем план проведения смотра. Каждый литкружок должен его обогатить, продумать, наметить конкретные задания и взяться за дело.

**Кто сердцем бодр,
кто словом остр,
старья кто румит стени-
гой, выходи смелей на смотр—
его развертывает «Смена»!**

ДАЕШЬ РАБОЧИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КАДРЫ!

А. Сурков

Читатель хочет, чтобы литература отвечала на волнующие его вопросы созидания героического созидательного периода. Он хочет видеть в произведениях своих писателей те огромные, сложные и противоречивые процессы, участниками которых он является. Он хочет, чтобы литература не плыла в обиходе истории, а шла в авангарде событий, откликалась на самые жгучие запросы сегодняшней жизни, организовывала сознание и чувства растущего социалистического человека, подковывала художественными образами поднимала энтузиазм в строике, ярьась в преодоление сопротивления ликвидлируемых остатков враждебных, капиталистических классов.

Несомненно, что одной из больших наших бед является отсутствие крепких литературных кадров пролетариата. Они до сего времени количественно ничтожны и качественно слабы. Рост запросов читателя не покрывается и количественная и идейно-творческим ростом кадров пролетарской литературы. Писатель из рядов пролетариата растет слишком медленно. А ведь он — только он, обогащенный громадным опытом, добытым его классом в борьбе и социалистической строике, сможет противопоставить последышам буржуазной литературы новую литературу, прочитанную безоязненной философией пролетариата — диалектикой материализмом.

Российская ассоциация писателей-пролетариев, единственная массовая пролетарская организация, выросшая на базе рабочего движения, в течение ряда лет занимается практическим разрешением проблемы литературных кадров.

Через систему местных ассоциаций, групп и кружков она выявляет и объединяет для учебы и творчества рабочих начинающих писателей. Особенно серьезным в этом РАПП стала заниматься после I Всесоюзного съезда пролетариев, на котором был дан дилектологический лозунг: «РАПП — на предприятия». Осуществляя этот лозунг, ассоциации со-

здали на фабриках и заводах несколько сот рабочих литературно-творческих кружков. И эти кружки объединены в часть райкомовского и рабочего актива, которая в той или иной мере делает попытки заниматься творческой работой.

Все эти мероприятия, вполне правильные и целесообразные, все же не снимают с плеч завода и кадры, количество которых в этих кружках для огромной территории СССР крайне мизерно. Во-вторых, качество их работы крайне слабо. Истиснено много неполадок, мешающих плодотворной воспитательной работе, тормозящих развитие и рост творчества кружковцев.

Значительная часть кружков занимается без системы и плана. Нет хороших руководителей. Нет увяки учебы с общественностью, с повседневными интересами рабочего коллектива завода. Нет возможности внешнего выхода творческим опытом молодежи.

Одним из главных тормозов развития массового рабочего литературного движения является невинимое к делу воспитания литературных кадров со стороны пролетарской общественности (и комсомольской в том числе).

На литкружок в лучшем случае смотрят как на безвредный, но и бесполезный нарост на теле заводской общественности. Его или ругают, или не замечают. Кружок удерживается с трудом, добывая помещенье для занятий, ничтожные гроши на пособия и т. д.

К тем, кто пишет стихи или рассказы, отношение складывается (как правило) несколько презрительно-нисходящее: «люди серьезным делом занимаются, а он стошник пишет». Мудрено ли, что в такой обстановке многие хорошие общественники и талантливые люди держат свою склонность к занятию литературой в секрете, как дурную болезнь.

Чтобы скорей устранить такое ненормальное положение, мешающее росту рабочих

литературных кадров, надо показать пролетарской общественности значение того дела, его сложность, ту непростивую действительность, которая имеется в кружках. Надо опит работы кружков — и плохой и хорошей — сделать достоянием и всех организаций РАПП и всей пролетарской общественности.

Комсомол, на рядов которого и будет итти значительные кадры рабочих писателей, до сих пор в недостаточной мере интересовался литературными делами. А он должен знать, как воспитывать литературных писателей. Должен не только наблюдать, но и принимать участие в воспитании литкадров.

Поэтому смотр литературных кружков, организуемый массовым журналом рабочей молодежи «Смена», нужно прилестствовать как чрезвычайно важное и полезное дело.

Местные комсомольские организации АПП должны прийти на помощь «Смене» в проведении смотра. Литкружки на страницах журнала должны отчитаться перед общественностью в своей работе, поделиться накопленным опытом, показать, как они растут своих писателей. Редакция стегает и многоотражает, рабочие клубы, легкая кавалерия должны расквасить, помогают литкружки в их работе, держат ли они связь с рабочими коллективами и клубным активом.

Все товарищи, заинтересованные в развитии пролетарской литературы, должны своими предложениями и пожеланиями помочь развитию плодотворной работы в кружках, созданию благоприятной обстановки для быстрого роста идейно и творчески добросовестного людского материала в литературе.

Только усилением широких слоев пролетарской общественности, ее участием и контролем в деле выращивания рабочих писательских кадров нам удастся сваять новизны расхождения читательского спроса с тем, что может дать культурной революции пролетарская литература.

ПЛАН ПРОВЕДЕНИЯ СМОТРА ЛИТКРУЖКОВ

I. ЗАДАЧИ СМОТРА

Выяснить состояние работы в литкружках. Социальный состав. Общественное лицо кружковцев. Творческий состав. Творческое лицо кружка. Связь кружка с заводской общественностью. Качество массовой работы. Связь с местной газетой и рабочником коллективом. Участие в клубной художественной работе. Система учебы и ее содержание. Методика. Культурный и идейный уровень кружка. Творческие запросы кружковцев. Положительный опыт. Неполадки. Новые формы работы. Предложения.

II. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТОРОНА СМОТРА

1) При редакции «Смена» из времени смотра создается штаб в составе т.т. Ф. Кона, А. Халатова, В. Грудский, М. Гозодного, С. Камрада, М. Гольдберг, Я. Юдицкого, А. Суркова, М. Бегера, И. Жиги, Ольхового, В. Чурикова, М. Чернова и В. Бороваго. Штаб получает и разрабатывает весь материал, поступающий на смотр, и руководит всей организационно-массовой кампанией и работой на местах.

2) В областях и краевых центрах создаются для проведения смотра тройки в составе представителей: а) местной комсомольской газеты и ОК ВЛКСМ, б) обл. отд. РАПП, в) культурного отдела ОСПС (в областях, где есть кружки «Кувшины» на предприятиях, следует ввести и представителей этой организации).

Тройки проводят социальную работу кружковцев, организуют приток материала на смот, обеспечивают освещение задач смотра в местной печати.

3) Весь смотр проводится под знаком соревнования. Все литературные кружки, участвующие в смотре, соревнуются на лучшее обслуживание художественным словом производственной и культурной работы на предприятиях. Лучшие в этом отношении кружки будут представлять послышкой делегатов кружки на теоретические курсы и в литературные вузы.

III. МЕТОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ СМОТРА

1) Смотр начинается созывом совещания рабочих литкружков Москвы с пригласением представителей местных редакций заводских газет и ячек

ВЛКСМ. На совещании дается установка и проводится смотр.

2) В областях проводятся такие же совещания.

3) Кружки при участии комсомольских ячек выделяют бригады для взаимного обследования своей творческой и общественной работы. Эти бригады работают под руководством штаба и местных троек.

4) Во время проведения смотра «Смена» предоставляет место для печатания материалов о работе кружков и образцов их творческой продукции (рассказы, повести, стихи, производственные очерки, эпиграммы, частушки, лозунги, плакаты, висюльки и т. д.).

5) Получно с помещением материалов и доклад о работе на местах редакция дает циты статей, посвященных вопросам творческого метода пролетарской, массовой воспитательной работы и методик.

6) Наиболее творчески зрелый и добросовестный материал кружковского творчества, помимо печатания в «Смене», издается отдельным сборником, передается в «Рост», «Пролетар», «Юный Пролетарий», национальные журналы и литературные «Комсомольской Правды».

7) Кружки в процессе смотра проводят открытые итоговые творческие вечера с привлечением на них массовой рабочей аудитории. Собрания проводят-

ся под знаком привлечения масс к участию в создании рабочих писательских кадров. На этих вечерах, в порядке свободного соревнования, отбираются лучшие вещи для печатания в «Смене».

8) Для того, чтобы выяснить положение с выдвинутым в печать начинающими писателями и состоянием консультационной работы, в процессе смотра организуется в силах кружковцев, ячек ВЛКСМ и групп «легкой кавалерии» ряд вылетов на редакции журналов и газет, а также на издательства, издающие художественную литературу.

9) Сроки смотра устанавливаются в зависимости от темпов развертывания работы.

IV. ИТОГОВАЯ РАБОТА

1) Работа по смотру завершается явлением статей в «Смене», подводящих итог материалу по важнейшим отраслям кружковской работы.

2) Организуются широкие итоговые собрания кружков совместно с представителями литстраницы и журналов и издательства, а также представителями рабочих коллективов и ячек ВЛКСМ.

3) Весь местный материал, неиспользованный на страницах журнала, передается для использования в организации.

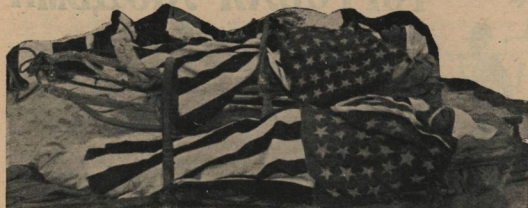

ПЕРВАЯ КОННАЯ

Игорь Сибиряк

Первая Конная,
Ну-ка в галоп!
Снежные попоны,
Шапки наголо!

Красота не в блеске,
Лихость не в оправе—
Боями итересней
Буденову прославить!

Трупы Эйельсона и Борландта перед сдачей американцам.

Фото Д-ра Комаровского.

ка, не справилась с пургой и морозом Чу-котки, хотя честно служила весь прошлый год и проделала Алданскую авиоэкспедицию.

Пролетаем над Мечигменской необследованной губой, начинаю определять входной мыс и бухту Лаврентия.

Шесть зарытых в снег до крыш домиков—культобаза бухты Лаврентия—кажутся зданиями лучшего аэропорта, все население—на «аэродроме», а «аэродром»—на береговой галечной косе. Начальник погранпостов тов. Кучма машет метлой—надо понимать, что это ветроуказатель «аэродрома»,—а так как машет он во все стороны, то полагаю, что ветра нет—не может же ветер дуть сразу со всех сторон,—и сажусь по длинной стороне косы. Гальше садится по двое, идем, окостеневшие от холода, в шкотов-интернат, чтобы стоять с себя тяжесть бесчисленных меховых одежд, чтобы отогреться, выждать и чтобы завтра... достигнуть мыса Северного.

Радиограния со «Старополя»: «Москва. Доброго! Двадцать девятого оба самолета экспедиции Слепнева достигли мыса Северного, покрыв расстояние Провиденсе—Пингветт—Лаврентия—Северный девять часов».

Радиограния с «Нанука»: «Фербенко. Аляска—Айрвайс. Два советских самолета идут посадку».

«ПОЛКОВНИК АМЕРИКАНСКОЙ СЛУЖБЫ ЭЙЕЛЬСОН НАЙДЕН МЕРТВЫМ»

На мое предложение—объединить, ввиду бесплодных розысков и во избежание излишних потерь и нехватки горючего, работу экспедиции—канадцы и американцы сначала промолчали, но затем подлила «пипилка» наравни и сказали: «есть, едь».

Я получил от тройки разрешение рискнуть экипажем и одним тяжелым самолетом. Вылетел с мыса Северного, сел через 150 километров на застругу у места аварии и назначил механика Фариха коком.

Фарих копал под крылом самолета яму, ставшую затем нашим домом, а я со студентом Дубравным ходили по снежной равнине от торчащего крыла разбитой машины к колесу, найденному за полкилометра, и «воссоздавали» момент аварии.

Все было осто и безмолвно. Через день пришли собаки с людьми, кирками, ледовыми пилами, мясными консервами. Яму под крылом расширили, натянули палатку и заложили куковизы аляд. А потом мы стали копать. Копали на морозе в 45 градусов по десять часов, пили чай и, когда было светло от северного синица, ночью кто-нибудь срывался с места, брал шип и шел бурлящий замеченный днем подозрительный бугор.

Крукс уверял, что мы мучаемся зря, что Эйельсона жив и ушел на лыжах к чукчам.

Мы копали день и два, и три, и неделю, и две.

Спокойный Сенсон не выдержал, воспользовался одним большим американским аэропланом, взял дочь и ушел на лыжах к чукчам.

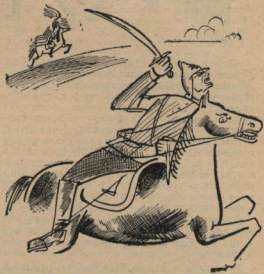
Когда мы нашли масляный бак, помещающийся на самолете в Ногах у летчиков, то стали копать с еще большим ожесточением и нашли... кровь на обтекателе.

13 февраля, под вечер, матрос «Старополю» Джексопс крикнул: «Нога!» Мы натолкнулись на труп, скрытый снегом. Спорили, кто: Эйельсон или Борланд? Обмыслив карманы, оказалось—последний. Мы завязали его в брезент и перенесли на самолет.

Была пурга. Три дня нельзя было выйти из хижинки, не было аэропланов с продуктами и очень мало оставалось керосина.

18 марта, на втором номере располк, в ста двадцати метрах от Борландта нашли Эйельсона.

Наверху, как и на войне, самое трудное—отсутствие. Стоили морозные дни с пургой, с метелями, собаки съели всю рибу, не хотели есть рисовую кашу, худели и дохли.

Польские драгуны
С малиновым знаменем,
С золотом галунами,
Размеренным качаньем!

Вам мешает
Скромность ли,
Гордость ли пановая
Рассказывать
Про доблести
Первой Конной?

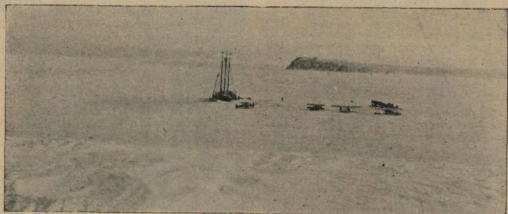
Советская Конная
Скачет в галоп!
Снежные попоны,
Шапки наголо!

Рабочий литейщик «Мотор»

Первой партией я отправил слабых и обмороженных, затем «наладил» на лыжах, дав немного собачьих упряжек, здоровых и сильных, на привезенный американский самолет посадил двух чукчей—нусть полетят первый раз в жизни!—и сообщил всему миру, что «летчик Эйельсон и механик Борландт найдены оба мертвыми, убитыми при аварии».

Вскоре около нас сел летчик Гильом, привезший в связи с отысканием трупов. С другой стороны показался желтый «Фердичальз» капитана Ридд, сделал два красивых круга и пошел на посадку. Заструб, коснувшись земли, подскочил, треснул и, снеся шасси и пропеллер, врезался грудью в снег. Все бросилось к разбитой машине, из нее вышел пилот, не взглянув даже на свое детство и приковав рукавицу к шлему, отработал: «По специальному заданию... сел, чтобы вручить вам телеграмму из Вашингтона»:

Государственный департамент сообщает вам, что Государственный департамент охотно соглашается, чтобы командор Слепнев и механик советского аэроплана соприобщали тела погибших до Фербенка, Соединенных Штатов мар. шад (подпись).

Мыс Северный. Шхуна Сенсона «Нанук». 2 советских самолета Слепнева и Гальшевы, 1—канадского капитана Пат-Рид, 3 американских—Нога, Кроссина и Гильюма.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Ж. Кессель

...О каких рабах идет речь? В какую эпоху это происходит? Рассказ принадлежит французскому писателю Ж. Кесселю и говорит о рабовладчестве в Абиссинии. Это государство, как известно, входит в Лигу Наций, оно стоит, как полагают, на-страже цивилизации и тоже не признает СССР. Рабство существует с молчаливого согласия европейских держав, распорядившихся в Абиссинии, Гаджасе и Йемене, как у себя дома. Они делают вид, что не замечают работорговли или в лучшем случае делают вид, что борются с ней. Буржуазный журналист даже либеральных взглядов не идет. Поскольку это в его силах,—он скрашивает положение, существующее в наше время. Но даже перо буржуазного слугана рисует поистине ужасную картину для буржуазной «цивилизации» картину.

«Перед окнами стал собираться народ. Первой пришла древняя, болезненного вида, обвешанная старуха-негритянка и села на берегу ручья. Затем явилась другая, тоже негритянка, но помоложе, и также молча села рядом со старухой на корточки. Затем пришли трое мужчин с громадными ногами, с толстыми красными губами и стали рядом с женщинами. Наш хозяин Монфрей делал вид, что не замечает их. Но мы уже узнали в этих людях,—по одежде, по жестам, по всей повадке, по всему их виду,—людей из той категории, которых мы видели в Хараре под тысячами знаков рабства.

Монфрей сказал им несколько слов, которых мы не поняли. Мы только заметили, как у них в глазах вспыхнул огонь человеческой жадности.

У женщины к дереву был привязан громадный абиссинский кобы с лирообразными рогами и с мисистой шерстью. Я заметил его еще утром, но тогда я не понял...

Из шалаша вышел повел Монфрей и передал одному из невольников громадный нож. Невольник сзади, привалившись к животному, которое стало дрожать и испуганно замычал. Нож сверкнул у сонной артерии.

Жуки горькой бросились к быку. В несколько мгновений шкура была обрвана с него голыми пальцами, и куски кровавого, дымящегося мяса стали переходить из рук в руки.

Спускалась ночь. Стало слышаться хищные птицы. Легкий ветерок вез над Харарой. Невольники расселись группами в саду Монфрей, и было слышно в темноте, как кости трещали под их могучими зубами.

Презабия только начинался. Дикари находились в состоянии крайнего возбуждения. Они смеялись, кричали, толкали друг друга, прыгали и каждый раз поворачивали к нам свои измазанные кровью лица. Особенно выходил из себя великан и неистовствовала женщина с большими грудями. Эти несчастные опьянели от пищи: им не часто доводилось поест.

Внезапно повалил кактусовой игорок, который считается границей владений Монфрей, вспыхнул пламя. Для рабов это послужило магическим сигналом. С криками и воем они ринулись туда. У подошвы громадной выхохотенной сикоморы Любьян сложил груды пшеницы, досок и листьев, обилж коренином и поджог. Он инстинктом почувал, что именно нужно, чтобы дать волю той энергии, которую несчастные дикари накопили благодаря мясу и крови разорванного ими быка — огонь!

Сразу же разразилась безумная оргия. Женщины схватили пустые жестянки и начали выстукивать на них какое-то подобие мелодии. Мужчины образовали круг, рослый верзилка стал посредине, и все запрыгало. В этих прыжках не было никакого ритма, их сопровождала пронзительная и дикий вой, похожий на боевые крики. Экстаз возрастал с каждой минутой, и люди становились похожими на одержимых.

Внезапно огонь погас, и безумие остановилось. Любьян бросил взгляд кругом и заметил связки банановых ветвей. Он хотел

кинуть их в огонь, но тотчас раздалась крики, полные мольбы.

— Они просят не делать этого, — перевел нам Монфрей. — Это дрова, которые они приготовили для своих хозяев.

Мгновенно робкие и покорные выражения лиц вернулись к сознанию действительности. Перед нами стояли уже не мрачные духи, а просто несчастные рабы. Они смотрели на нас доверчивыми и грустными глазами, в которых не осталось уже ни малейшего следа недавнего счастья.

Мне казалось, что пришла минута споконных исповеданий, и я попросил их через Монфрей рассказать о себе. Они были счастливы, им казалось испривичным человеческое обращение. Они сели на корточки, им принесли сладкого чаю, и великан сказал, грустно глядя на угольки, которых умирал в золе:

— Я с Тигра. Я работаю рабом одного воина. Да не знаи ни отца, ни матери. Я всюду следовал за моим господином. Он был убит в бою одним абиссинским солдатом. Теперь я принадлежу этому солдату.

Старуха сказала:

— Я не помню больше, откуда я родил. Давно-давно у одного большого леса, каких не видно в этой стране, горела деревня. Какие-то люди, которые пришли с криками, похитили меня. Я ушла с ними далеко-далеко, и мне не было трудно. У меня было много господ и много детей. Я уже не помню сколько. Господа меня продавали, а детей отбирали.

И ты, другая, ты сказала почти детским голосом:

— Я была совсем ребенком и играла в теннис моих родителей в стране Сидамо. Дверь была открыта, какая-то рука схватила меня за шиворот. Я очутилась на лошади. После долгого перехода я очутилась в Алдесе. Мой последний господин перебрал жить сюда. Когда я была моложе, мой господин любил меня.

Потом по очереди говорили все остальные. Это была все одна и та же история с небольшими вариациями: воспоминания о лесах, о похищениях, о бесконечных переходах, заканчивавшихся рабством в Хараре.

— Нравится вам здесь? — спросил и через Монфрей.

Они стали отвечать все наперебой:

— Нравится?! нравится?! — закричали они. — Мы вечно голодные и вечно рабаемы. Мы рубим дрова и бьем камень. Когда господин недоволен или пьян, он наказывает нас палками. А когда он совсем разозлится, то подвешивает нас за ноги на алтарь.

— Вступайте ли вы в брак? — Да как же это возможно? — воскликнула женщина-горилла. — У нас не может быть браков! Мой муж принадлежит другому господину. А если мы и оба принадлежим одному и тому же, то мы можем быть проданы порознь. И дети в моем чреве не мои.

Откуда этот ужасный рассказ. О каких это рабах идет речь? В какую эпоху это все происходит?

Увы, все описанное происходит в наши дни. Рабы, о которых идет речь,—и сотни тысяч других,—находятся в рабстве сегодня, сто минут.

Рассказ принадлежит французскому писателю и журналисту Ж. Кесселю и относится к Абиссинии.

Ж. Кессель в январе нынешнего года предпринял путешествие по Абиссинии и принужден был убедиться, что варварская традиция древнего мира еще жива в этой стране и благополучно соседствует и с деленной Лигой Наций, и с европейскими посольствами, с железной дорогой, телефоном, телеграфом, аэропланом.

Рабство существует от Сирин до Аденского залива. Оно идет вплоть до самой Персии. И не менее жестоко, а привозит! Человеческий скот доставляется из Судана, особенно из Абиссинии. Он приходит караванами. Его грузят на суда на африканском берегу и разгружают на азиатском, а потом направляют в различные места, где имеется рынок рабов. В Джезде, например, продажа невольников происходит под открытым небом, на базаре, так же, как продажа скота или вещей.

На побережьях Красного моря есть три государства, которые сохранили всю жестокость первобытных времен. Это Абиссиния в Африке и в Азии — Йемен и Гаджас.

Абиссиния граничит с Суданом, который во все времена был классической страной

ОВЛАДЕТЬ ТЕАТРАЛЬНЫМИ ТВЕРДЫНЯМИ

Задачи, стоящие перед театром в период напряженной классовой борьбы, не могут ограничиться одними развлекательными функциями. Эти задачи должны быть тесно связаны с вопросами социалистического строительства, должны содействовать выделению героической пятитетки. Это прекрасно понял комсомолец, который несколько лет тому назад впервые призвал молодежь к широкому испортившим академическим твердыням, к развертыванию вокруг театров широкой общественной работы. Ответом на этот призыв явилась мощная волна коллективных просмотров в Ленинграде, Москве и провинции.

Диспуты, организованные после просмотра спорных пьес, дали возможность молодежи подойти вплотную к работе театра, режиссера, драматурга, актера. Они положили начало общественной, деловой критике работы театра с точки зрения ее совзвучности переживаемой нами эпохе.

Каждая новая постановка сопровождается диспутами и выдерживая яростные атаки комсомольской аудитории. Такие

Статье режиссера тов. Зингелерона подымает очень интересный вопрос о работе комсомола с театром. Мы просим читателей «Смеи» обсудить на лейких предложения автора и написать нам свое мнение.

диспуты являлись наилучшим консультантом режиссеру и актеру в их работе над пьесой и образом. Подробно останавливаясь на каждом образе, критикуя работу режиссера, актера, художника, драматурга, рабочая молодежь ставит вопрос, в какой мере театр помогает социалистическому строительству. Не всегда ответ на этот вопрос давался непосредственно после спектакля, и споры о пьесе возобновлялись на специальном широком диспуте, устраиваемом после просмотра спектакля большим коллективом.

Коллективные просмотры и обсуждения пьес в огромной мере содействовали театру в том, чтобы повернуться лицом к вопросам и темам сегодняшнего дня. Однако в последнее время метод коллективного посещения утратил остроту и свелся в большинстве случаев к обычному организационному просмотру спектакля или картины. На дис-

путы обычно остаются очень немногие, у себя на предпринятых коллективы также не обсуждают просмотренных пьес. В чем же дело? Где искать причину «вирождения» коллективных посещений театров, ослабления внимания комсомола к диспутам и зрительским конференциям?

Одна из причин кроется, несомненно, в самом репертуаре театров.

Взгляните на репертуар любого столичного и провинциального театра. Много ли вы найдете пьес, изображающих борьбу молодежи за большинство темпы на производстве, за выполнение промплана? Молодежь, играющая сейчас крупную роль в социалистической стройке, в правду желает, чтобы театр каким-то образом это отображал.

Загляните в пункты резолюции комсомольских конференций, и вы увидите, что они требуют: «включить в репертуар пьесы,

показывающие борьбу молодежи за новый быт, за активную работу по социалистическому строительству».

Представитель рабочих заводов «Серя и Молот», приветствовавший Федерацию театральных искусств, сказал: — Дайте образы из нашей жизни и работы и поднесите их в таком виде, чтобы это было понятно каждому рабочему. Советская драматургия должна учесть это требование.

А как театр удовлетворяет законное требование молодежи?

Театры предлагали на ближайшее время удовлетвориться честными и нечестными спектаклями всех рангов и категорий и в лучшем случае комсомольками, выходящими в четвертой акте замуж за партийного чиновника. Нужно ли говорить, что такие пьесы ни эмоциональной, ни волевой зарядки молодежи не давали, да и не могут дать. Поэтому вполне понятно, что рабочая молодежь не видела особой нужды тратить порох там, где его можно сохранить, и притом без особого для себя ущерба: ей неинтересно было обсуждать судьбу инженеров Мерцо.

революционеры. Там еще и по сей день сохранились целые провинции, населенные этими крестными, плотными и робкими людьми, каких от времени самой глубокой древности дошли и продавали в рабство. Абиссиния несла держала их в рабстве и держит до сих пор. Однако Абиссиния, будучи сама центром потребления, была и продолжала быть центром вывоза рабов на внешний рынок, на азиатский берег, в Индию и Голландию, откуда рабы караванами гонят в Индию, Трансиорданию, Сирию и Персию.

Но Абиссиния не имеет морской границы. Чтобы добраться до моря на Абиссинии, нужно пересечь французскую Сомали или итальянскую Эритрею, или английскую Судан. Работороговцы раньше не встречали никаких трудностей на этих путях. Лишь за последние годы под напором либерализующей печати им ставится кое-какие препятствия. Но караваны проходят! Их ведут скрытыми тропинками к скрытым местам

посадки на побережья, — на азиатском берегу их тоже стараются высадить незаметно, и дело не погубило.

Абиссинский суд не принимает жалоб от рабов. Молчаливое соглашение между судьями, которые сами являются собственниками человеческого тела, и прочими рабовладельцами фактически аннулирует формальный указ негуса об освобождении рабов.

Этим несчастным не остается даже спасения в бегстве, так как большинство из них были похищены в раннем детстве, не помнят своей родины и не имеют куда бежать. У них остались туманные воспоминания о лесных зарослях, о соломенных хижинах — вот все, что они знают о своем детстве. А тем, которые сохранили какие-нибудь более точные сведения, повдольбались бы долгие месяцы пути, раньше чем они могли бы добраться до места, откуда их похитили.

Впрочем, если раб, подталкиваемый отчаянием, даже и пойдет на тяжелый риск и

бежит, то далеко ему не уйти — внешность выдает его: каждый знает в Абиссинии, что мужчины и женщины с негритянским лицом не могут быть свободны. Они могут бродить по улицам города или в окрестностях деревни лишь в том случае, если известно, кто их хозяин. Но если покажется какой-нибудь шанкалла или сидамо, или уаиломо, хозяин которого неизвестен, его сейчас же задерживают и начинают допрашивать. Если он назовет хозяина, его безжалостно возвращают на старое место; если же он скажет, что у него нет хозяина, он становится рабом того, кто его задержал.

НА СНИМКАХ:

На 14 стр. — офицер абиссинской армии. На 15 стр. — срава — прещески рабов в одном из городов Абиссинии, там работороговцы; слева — караван невольников, переправляющийся в заселенные места.

СОВЕТСКИЕ ЧИАТУРЫ

Советские Чиатуры—богатейший резервуар марганцевой руды, необходимой в сталелитейном деле. До революции Чиатуры принадлежали отдельным помещикам-землевладельцам, больше крестьянами, чем разработанными крупными заводами.

Комплекс американской промышленной компании Гармона не считала выгодными на нее выколоть концессионер, как и прежние хитиники, больше заботился о количестве добычи, чем о максимальной марганцевой.

С 1927 года Чиатурские залежи разрабатывает трест «Советский марганец», и руда идет как для наших сталелитейных заводов, так и за границу, где чиатурский марганец считается одним из лучших в мире.

На свисток саевы-инноваторы в свалках над пропастью. Справа внизу—оскатор, грузинский марганец. Справа вверху—рабочие осетины.

Другое дело ТРАМ. Смотря спектакли трупповского репертуара, рабочая молодежь живет одними мыслями с действующими лицами. Они ей близки и знакомы. Завод, коллектив, трампарк, деревня живут сегодняшним днем. Хорошо поспирить о том, что просто, живо, понятно. С каким энтузиазмом рабочая молодежь встретила «Выстрел» А. Безменского. Как она была активна на диспутах о нем!

Молодежь не видит себя на сцене. А то, что ей предопределено в качестве представителя молодежного отряда борющейся на хозяйственном фронте—эти трафаретные персонажи каждой пьесы—ничего, кроме смеха, вызвать не могут. Однако совершенно ясно, что в отсутствии молодежных песен нельзя видеть основную причину ослабления похода на театральные твердыни.

Надо сказать, что комсомол не использовал всех возможностей для приближения театра к зрителю и зрителя—к театру. Начав большую работу по овладению академическими высотами брошена на полдороге. Борьба комсомолом за то, чтобы заставить театр служить задачам великой стройки, осталась незавершенной. В чем же дело?

Основная беда в том, что комсомол, организатор массового похода за советский театр, ограничился только коллективными

просмотрами с последующими диспутами. Имеется еще много других форм. Почему молодой зритель не мог бы участвовать во всем процессе подготовки пьесы к постановке? Почему комсомол не возьмется пропустить всю работу театрального коллектива над пьесой через товарищеское воздействие молодежи какого-нибудь крупного завода, фабрики или даже целого района? Разве нельзя было бы, скажем, в Домах комсомола организовать готовящуюся постановку со всех сторон: как думает режиссер осуществить постановку, какие факты из нашей жизни вложит драматург в свою пьесу, как разрешает художник вопрос художественного оформления, как актеры творят образы? Обо всем том должны знать не только художественно-политические советы, но и сами массы. Эти вопросы должны широко обсуждаться до постановки пьесы на сцене. И, наконец, тогда театры не делали бы так много политических ошибок, а на сцене не щеголяли бы неправдоподобные комсомольцы и коммунальные рабочие. Такой метод проработки пьес принес бы много пользы театральному коллективу, он дал бы очень много и комсомольской организации. Этот метод безусловно мог бы заинтересовать широкие круги молодежи и тем самым установил бы более крепкую связь с театром, обеспечил бы воздействие рабочего

коллектива на жизнь и творчество театров. Эта форма смички с театром имеет и еще одну положительную сторону. Тесное сотрудничество с практической работой театра дало бы возможность выжить в среде рабочей молодежи людской материал, годный для работы на сцене, и тем самым помогло бы разрешению очень острой для театра проблемы выдвижения на театральную работу молодых рабочих и работников.

Заинтересовав молодежь методами приближения к театру, о которых я говорил выше, комсомол может наиболее полно использовать и самый театр в своей работе по воспитанию мо-

лодого поколения большевиков. Эмоциональная, полная зарядка давлением той или другой пьесой может быть использована комсомольской ячейкой в ее повседневной работе. На обсуждении отдельных отрицательных явлений, рисунках какой-либо пьесой, можно проверить состояние того или иного коллектива и т. д.

Надо признать, что комсомол в последнее время уделяет театру слишком мало внимания. Нужно сломать с мертвой точки дело связи с театром. Этого властно требуют и задачи театров и задачи комсомола, так сильно усложнившаяся в нынешний реконструктивный период.

«Выстрел» в постановке ленинградского ТРАМ.

НА СЕНЕЖСКОЕ ОЗЕРО!

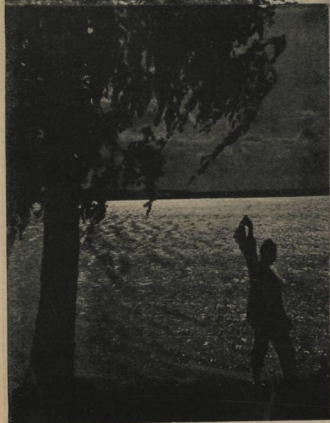

Фото М. Марнова

Комсомольца завода «Мосэлектрив» организовала массовую экскурсию рабочей молодежи на Сенежское озеро (в 70 километрах от Москвы). Общий выходной день был прекрасно использован: гребной спорт, катание на парусниках, массовые игры.

Отдохнувшие и ободрившиеся ребята вернулись в Москву, готовые с еще большей энергией драться за профинплан.

Московской фабрикой „СОЮЗКИНО“
закончен производством фильм

„ШЕСТЬ О ПЕРВОЙ ДЕВУШКЕ“

По повести Николая БОГДАНОВА.

Сценарий и постановка Льва ГОЛУБА и Николая САДНОВИЧА.

Оператор Франц ШАХ.

Художник Алексей УТКИН.

В главных ролях:

Т. АЛЬЦЕВА,
Вл. ЧУВЕЛЕВ,
П. БЕРЕЖНЕВ,
Н. ИВАКИН,
М. КАЛИНИН.

В КУЛЬТПОХОД—ЗА КУЛЬТУРУ, ГРАМОТУ, НАДРЫ!

КОМСОМОЛЬЦЫ! ЧИТАЙТЕ, ТРЕБУЙТЕ
во всех газетных киосках СССР
новый массовый обществ. - политический журнал

КУЛЬТПОХОД

Орган ЦК и МК ВЛКСМ, ЦС и Моск. обл.
совета ОДН, ВЧК д/б, ЦК Рабпроц.

РАССЧИТАН на рабочих, колхозников, трудящихся крестьян,
колхозцев, рабфаковцев, комсомольцев, про-
свещенцев, всех участников культпохода.
ДАЕТ необходимые организационные и методические знания
для работы по всем вопросам строительства и комму-
нистического воспитания на основах культпохода.

ДАЕТ ПРИЛОЖЕНИЕ:

общественно - политический, научно-
популярный, литературный
ДВУХ НЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ-ВКЛАДКУ

„**КУЛЬТПОХОД**“
для малограмотных читателей и
учащихся школ ликбеза.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

„Кульптоход“ для участников культпохода:
на год — 4 р., 6 мес. — 2 р. 25 к., 3 мес. — 1 р. 25 к.
„Кульптоход“ для начинающих читать:
на год — 1 р. 75 к., 6 мес. — 1 руб., 3 мес. — 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, ул. Герцена, 10,
в ОППИ изд-ва „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“,
в отделениях и в магазинах изд-ва и у писемосовцев.

КУЛЬТКОМИССИИ!

УКРЕПЛЯЙТЕ АКТИВ СВОЕГО ЖУРНАЛА!

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД

Журнал, стремясь выявить молодые ростки проле-
тарской литературы, организует среди подписчиков

КОНКУРС ЛИТЕРАТУРНОГО МОЛОДНЯКА

НА ЛУЧШИЙ РАССКАЗ, ОЧЕРК И СТИХОТВОРЕНИЕ
в журн. конкурса
вошли писатели:

Ф. Гладков, В. Бахметьев, Н. Лычно и два представителя Все
союзного объединения пролетарских писателей „КУЗНИЦА“ ≡
УСЛОВИЯ КОНКУРСА ПУБЛИКОВАНЫ В ЖУРНАЛЕ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

на журнал „ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД“ с 1 июля
1930 г. по сниженным расценкам специально для чита-
телей журнала „СМЕНА“:

Срок под- писки	I абонемент. Журнал без приложения	II абонемент Журнал с при- ложением „Белл, совр. писателей“	III абонемент Журнал с при- лож. собр. соч. И. А. Некрасова	IV абонемент Журнал с прилож.: 1) Белл, соврени писатели. 2) Собр. соч. И. А. Некрасова
На 3 м.	— 75 к.	1 р. 15 к.	2 р. 30 к.	2 р. 65 к.
На 6 м.	1 р. 50 к.	2 р. 20 к.	2 р. 65 к.	3 р. 70 к.

Собрание соч. И. А. НЕКРАСОВА высылается немедленно с первой
вышкой журнала. Подписку и деньги направляйте: Москва, 12,
Старая площадь, 10, издательство „НЕДРА“, журнал
„ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД“.